

Виктор Астафьев

Сибиряк

*Часть сборника
Печальный детектив (сборник)*

Виктор Астафьев

Сибиряк

«ЭКСМО»

1959

Астафьев В. П.

Сибиряк / В. П. Астафьев — «Эксмо», 1959

«Марш окончен. Большая, изнурительная дорога позади. Бойцы из пополнения шли трактами, проселочными дорогами, лесными тропинками, дружно карабкались на попутные машины, и все равно это называлось, как в старину, маршем. Солдаты успели перепачкать новое обмундирование, пропотеть насквозь и начисто съесть харчишки, выданные на дорогу. И все-таки до передовой добрались. Лежат в логу на щетинистой, запыленной траве и прислушиваются; кто озирается при каждом выстреле или разрыве, а кто делает безразличный вид. Разговоры все больше на одну тему: дадут или нет сегодня поесть? Единодушно решают: должны дать, потому как здесь уже передовая и кормежка не то, что в запасном полку, и забота о человеке совсем другая...»

© Астафьев В. П., 1959

© Эксмо, 1959

Виктор Астафьев

Сибиряк

Марш окончен. Большая, изнурительная дорога позади. Бойцы из пополнения шли трактами, проселочными дорогами, лесными тропинками, дружно карабкались на попутные машины, и все равно это называлось, как в старину, маршем. Солдаты успели перепачкать новое обмундирование, пропотеть насквозь и начисто съесть харчишки, выданные на дорогу. И все-таки до передовой добрались. Лежат в логу на щетинистой, запыленной траве и прислушиваются; кто озирается при каждом выстреле или разрыве, а кто делает безразличный вид. Разговоры все больше на одну тему: дадут или нет сегодня поесть? Единодушно решают: должны дать, потому как здесь уже передовая и кормежка не то, что в запасном полку, и забота о человеке совсем другая. «Тертые» солдаты, те, что попали в пополнение из госпиталей, многозначительно ухмыляются, слушая эти разговоры, и на всякий случай изучают местность: нет ли поблизости картофельного поля. Они-то знают, что на старшину нужно надеяться, однако и самому плошать не следует.

А передовая рядом. Вздрагивает земля от взрывов, хлещут пулеметные очереди, и нет-нет да и вспыхивает суматошная перестрелка. Бегают связисты с катушками, лениво ковыляют беспризорные лошади, урчат машины в логу. А вот и раненый появился. Спускается в лог, опираясь на палочку. Идет он в одном ботинке. К раненой ноге поверх бинта прикручена телефонным проводом портянка. Аккуратно свернутая обмотка в кармане. Ненужный пока ботинок за шнурок подвешен к стволу винтовки.

– Привет, славяне! – бодро выкрикивает фронтовик и указывает палкой на ногу: – Покудова отвоевался, а что дальше будет, увидим. Табачком богаты?

Все разом полезли за кисетами. Но солдат с крупным, чуть рябоватым лицом успел раньше других сунуть свой кисет раненому. Тот неторопливо опустил на землю, поморщился и начал скручивать сигарку. Рябоватый боец с робостью и уважением следил за раненым, хотел о чем-то спросить, но не решался.

– Так это уже война? – наконец спросил он.

Раненый с форсом прикурил от трофейной зажигалки, убрал ее в карман и, выпустив клуб дыма, сказал:

– Она самая, – и махнул рукой через плечо: – Передок метрах в трехстах. Ну я, братцы мои, пойду, а то не ровен час накроют. Вы тут развалились – ни окопчика у вас, ни щелки. Еще отшибут вторую ногу и придется мне на карачках до санроты добираться...

Раненый поковылял дальше. Боец, тот, что дал ему закурить, провожал раненого взглядом до тех пор, пока тот не скрылся за ближней высотой. Лицо солдата сделалось печальным.

Вдруг раздалась команда – все вскочили, поправляя на ходу ремни, попытались выстроиться.

– Вольно! Всем сидеть! – разрешил черноватый лейтенант с усталыми глазами и сам присел на катушку кабеля, которую ему услужливо подсунул связист.

И лейтенант, и связист появились как-то неожиданно, словно из-под земли.

– Не ели сегодня? – поинтересовался лейтенант, и сам себе ответил: – Не ели... Ну ничего, думаю, вечером нам кое-что подбросят, – утешил он и принялся расспрашивать: кто откуда, воевал ли прежде, чем занимался до войны, большая ли семья, и тут же записывал фамилии в блокнот и распределял людей по отделениям.

Рябоватый солдат сразу же попался на глаза лейтенанту. Простоватое лицо солдата с реденькими бровками расплылось в широкой улыбке, а добродушные серые глаза смотрели на лейтенанта так, будто он давно-давно знаком с ним и вот, наконец-то, встретился. Лейтенант

не мог не ответить на эту улыбку – столько в ней было доверчивого и дружеского – и внимательней пригляделся к этому солдату.

Пилотка, еще новая, уже успела потерять свою форму и напоминала капустный лист, пряжка ремня сбилась набок, гимнастерка вся была в мазутных пятнах.

– Ну и вид у вас! – шутливо проговорил лейтенант. – Попортили здорово вы, наверное, крови старшине в запасном полку...

– Всякое бывало, товарищ лейтенант.

– Фамилия?

– Савинцев моя фамилия. Матвей Савинцев. Я с Алтая. Может, слышали, деревня Каменушка есть недалеко от Тогула, так из нее.

– Нет, не слышал, товарищ Савинцев. Много деревень у нас в стране.

– Наша деревня особенная! – Савинцев оглянулся по сторонам, долго молчал, как будто подыскивая сравнение, и, не найдя его, со вздохом закончил: – Всем деревням – деревня!

– По его рассказам выходит, товарищ лейтенант, что Каменушка – почти город, только в ней дома пониже да асфальт поуже, – раздался голос из группы бойцов. Все сдержанно рассмеялись и сейчас же выжидательно замолкли.

– Куда же мне вас определить? – покусал губу лейтенант, все еще меряя взглядом крупную фигуру бойца.

– Я – человек неизбалованный, – с готовностью отозвался Матвей. – Куда пошлете, туда и пойду. Может, сомнение есть насчет моего старанья, так для проверки пошлите туда, где работы побольше.

Лейтенант подумал еще и решительно произнес:

– В мой взвод, к связистам! У нас работы бывает всегда много.

...И попал Савинцев в боевую семью «паутинщиков», как прозвали связистов на фронте. Покладистый, домовитый характер, готовность прийти каждому на помощь и ненадоедая словоохотливость помогли ему как-то незаметно сойтись с фронтовиками. Те с первого дня стали попросту звать его Мотей, даром, что был он отцом семейства, да и не маленького. Уж очень шло ему это имя: и теплота в нем была, и улыбка необидная.

Тонкости, которых много в боевой работе телефонистов, давались Матвею туго. Впрочем, все в жизни давалось ему с трудом, поэтому он не падал духом, когда у него что-нибудь не получалось. Но уж если он что усваивал, то навсегда. Было дело, ездил он четыре года прицепщиком, дважды учился на курсах, прежде чем ему доверили управлять трактором. И как же удивились связисты, когда им стало известно, что был он знатным трактористом и про него даже в газете писали. Ну, расспросы, конечно, как да что, а Матвей только отмахивался:

– Какой там знатный! Мало сейчас нашего брата в колхозах, вот и стали мы все там знатные.

В тихие вечера, когда война как-то сама собой забывалась и душа человеческая тоже сама собой настраивалась на мирный лад, Матвей рассказывал о своей родной Каменушке. Слушали его с удовольствием. Наносило издали то запахом родных лугов, то девичьей песней, то парным молоком, то дымком бани, в которой так хорошо попариться, придя с пашни. Простая жизнь, обыденные дела вставали в новой красоте. Раньше-то ее ни замечать, ни ценить не умели – все шло само по себе, все было как надо, и вот...

Иной раз Матвей доставал фотокарточку из кожаного, должно быть доставшегося по наследству, бумажника, подолгу рассматривал ее. На снимке был сам он с неестественно напряженным лицом, рядом жена с ребенком на руках, а впереди два мальчика. У меньшего удивленно открыт рот, а старший, насупив брови, цепко держит в руках книгу.

– Школьник! – с гордостью говорил Матвей товарищам. – В четвертую группу зимусь ходил. И второй нынче тоже пойдет. Одежонку всем надо, катанки, книжки. Заботы-то сколько

Пелагее, заботы! – И примолкнет Матвей, задумается, а то и выдохнет: – Что-то они сейчас подельывают?

– Чай, небось, пьют, – поддразнит кто-нибудь из солдат.

– Что? Чай? – удивляется Матвей и с возмущением разносит простака, не имеющего понятия о деревенской жизни.

– Да знаешь ли ты, голова-два уха, что сейчас уборочная началась, одни бабы хлеб-то убирают. Не до чаев им, в тридцатом поту бьются... Вот приезжай после войны в это время к нам – почаевничаешь.

Матвею разъясняли, что есть разница во времени: если здесь, на Украине, вечер, то на Алтае уже ночь и вполне возможно, что колхозницы и балуются чайком после трудового дня.

– Может, и так, только я спать ложусь вместе со своими и встаю тоже вместе... не могу отделиться, – говорил Матвей тихим голосом, глядя поверх солдатских голов, и на этом споры прекращались. Не о чем было спорить. Родной край, своя деревня, свой дом всегда и всюду с солдатом – они врастают в его сердце навечно.

А война бушевала, и враг катился с Украины к границе.

Вроде бы и неповоротливый мужик Савинцев, да и не очень сообразительный, но дело свое исполнял старательно. Рыскал по линии, исправлял порывы, сматывал и разматывал провода, лежал под разрывами и, выковыряв землю из ушей и носа, бежал дальше. Конечно, как и всякий связист, он что-то изобретал, приспособлялся к обстановке – иначе на войне нельзя. Война – это не только выстрелы, это очень много работы, порой непосильной работы. И побеждает на войне тот, кто умеет работать, кто умеет порой сделать то, что в другое время казалось выше всяких сил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.